

Юрий Михайлик
Только новое

* * *

Анне Голубовской

Эти кони возникли когда-то
из джунгарских побед и утрат
и промчались по кромке заката,
и впечатались в этот закат.
И когда на слепом горизонте
странным блеском прорезало мглу –
там в небесной степи амазонка
вслед Тезею пустила стрелу.
Половецкая вольная воля
до полынных, ковыльных корней
атаманское дикое поле
в темных тропах и храпе коней.
И над речкою в час половодья,
где коню по колено вода,
покачнуться, оставить поводья
и упасть под копыта, туда,
где усталые лошади в мыле,
с рыжей гривой закат вдалеке,
и занятие, лучшее в мире, –
мыть остывших коней на реке.

* * *

Все проходит. Течение времени розно –
то спокойно, медлительно, то исступленно.
Повернувший на пальце кольцо Соломона
не поймет эту запись – и грозно, и поздно.

В тихом лиственном шелесте вечных заветов
этот шифр сохранится у рощиц и речек
и в названиях бывших еврейских местечек,
отраженных зеркально в фамилиях русских поэтов.

Все бессмертно. Не вспомните – но повторите
в неожиданном ритме других поколений
позабывшую музыку давних селений,
речку, плывшую, словно строка на иврите.

* * *

Не спеши. Твоя шутка, конечно, остра
и твои парадоксы точны,
но они вне законов тьмы и костра,
и пределов нашей вины.

Мы не знаем – кто мы, зачем, почему
и куда мы летим во мгле,
но живущему кажется, что ему
так понятна жизнь на земле...

А всего наивней из наших надежд –
отыскать двойника вдали,
только семь миллиардов отважных невежд –
слишком тяжкий груз для земли,

слишком много жажд, слишком мало ума,
слишком слаб улетающий свет,

и чем жарче костер, тем огромней тьма,
за которой надежды нет.

А безумие это иль волшебство –
погибать на пути к звезде
тем, которые выжили оттого,
что не знали – кто мы и где...

* * *

А на том берегу растет самшит,
эта птица, наверно, туда спешит.
Там холодный мацони и сыр копчен...
Мы на том берегу совсем ни при чем.

Эта серая галька в горячем песке
остывает в ночи от нас вдалеке.
А на том берегу средь белого дня
ни за что ни про что любили меня.

Там орлиный клекот родных голосов
нам вослед поперек часовых поясов,
и бутылка вина на краю стола
как нежданная жажда тебя ждала.

Эта птица, быть может, летит туда,
где за синей седая стоит гряда.
Долететь и доплыть уже не смогу.
Но на том берегу, на том берегу...

* * *

Войны утробное урчание,
дыханье смрадное войны,
болезнь эпохи – одичание,
и мы уже заражены.

Мы – ненависть. Ее микробы
родятся в боли и золе,
и мы растем кустами злобы
на изувеченной земле.

А там, над нами, в безмятежности
наивен, горек, бестолков,
плывет наш мир во мрак веков –
из нежности, из безнадежности,
из розоватых облаков.

